

ארכיון יד ושם
YAD VASHEM ARCHIVES

RECORD GROUP: **0.33** חטיבה:

זיכרונות, עדויות ויומנים

Testimonies, Diaries and
Memoirs Collection

FILE NUMBER: **4127** מספר תיק:

NUMBER OF PAGES: מספר עמודים:

ORIGINAL ARCHIVE: ארכיון מוצא:

ORIGINAL FILE
NUMBER: סימול מקורי:

INVENTORY
NUMBER: מספר נכנסות:

PREVIOUS FILE
NUMBER: סימול תיק
קודם:

А. Персональные данные о спасении.

1. Липовиц Евдокия Савельевна
(по документам)
Бараш Шнора (по происхождению)
2. 21 мая 1933 г. с. Марьяновка,
Старобельского района Донецкой обл.
(по документам)
г. Львов Молдова, родилась в марте
или апреле 1933 г. (по словам родствен-
ников.)
3. Настоящее место жительства:
Молдова, г. Кагул, ул. Шмермана
ген. Маре, д. 34, кв. 29.
(Улица переименована - бывшая Тамки-
стая) тел. 2-03-01.
По профессии - учитель истории.
4. До войны жила в г. Львов. Затем
со своими родственниками и сотня-
ми других евреев жила под франшиз-
ской охраной в начале войны жила
сотни Верон. Последней пунктом же-
лательной - г. Березовка Одесской обл.
(1941-1945 гг.)
5. За мужем. Муж Липовиц Роман
Лейбович. Семья еврейская. Вегетарианцы и
Аматанши, проживают в с. Темер-
бурге (Россия)

Б. Относящиеся к спасению.

1. Местное местельство г. Березов-
ки Одесской области Васюк Вера
Федоровна, её сестра Байскако Людмила
Федоровна и другие милосердные
женщины проткнули на территории
концентрационного лагеря, чтобы покормить несоот-
ветствующих узников.
2. Подпись даты: не знаю. Возможно
это было в конце 1941 г. или в начале

1942. Была зима, мороз, снег.

3. Мы с сестрой Ликой были уведены
Высокою Верой Федоровной и Табисенко
Лидией Федоровной и на время стали
членами их семьи.

5. Демонстрация факторы, повидимому,
имелись всю в каком-то смысле.
Чтобы не быть ущемленным
всесте с еврейскими девочками
по доносу кого-то из евреев, мамин
спасительный приход в дом
интервью взяли русские и еврейские
национальные власти в Березовку,
а также священнику, который
выдал справки о крещении как мне
кажется задним числом.

6. Моя личная жизнь: спасительны-
цы пользовались мыливанием мыло-
сер-
дце.

7. Безусловно рисковала о чем-то
вообще. Также подробно мамин
в свободном изложении.

8. Рождения мое не стали. Факт удорожания
коридорски не был оформлен. Но спас-
ные мои мамин пещи ставили нас
сестрой в верной двери перед мамин
людьми; и этим все сказано.

10. В тот же период была спасена
еще одна еврейская девочка по имени
их обещаниями. Она была из Одессы.

Итак, я начинаю с евреями
отвечать на ваши вопросы. А теперь
хочу рассказать более подробно по
важным моментам по факту спа-
сения, а также затронуть некоторые
вопросы, которые мне волнуют.

Мне интересно из каких источников
вы узнали о мамин спасении
и о том, что мы с сестрой были
спасены Верой и Лидией Федоровными,

но это святая правда,
 маму по порядку. До войны наша
 бабка была еврейкой, ее звали у бабки
 отца и матери жила в Лодово те-
 перешней Лодово, м. Тессарабни. Лодово
 был достаточно многолюдный еврейский
 городок. Отец мой Сруль Барай был
 рабочим и вальшгаль он же делал
 (изготавливал ступки, канемсы, правит
 мой). Маму Шейну не работала
 семья едва сводила концы с концами,
 редко был достаток. У отца было
 много братьев и сестер. Я всех их
 помню по имени. У нас было много
 родственников, дедушка и бабушка.

Когда началась война и французы за-
 хватили город мой роди-
 тельский с другими еврейскими предпринимателями
 поехали эвакуироваться. Но немцам
 с маленькими детьми далеко не хотелось
 идти. Бабка еврейка, а также бабка
 семья брата отца, дед и тетка и еще
 несколько семей поехали в лагерь в
 Швейцарии. Младшие и взрослые семей
 остались там с сестрой и, по всей ве-
 роятности сразу уничтожены. Мы же боль-
 ше не видели своего народа. Женей и тещи
 отправились в Лодово, где объединены с другими
 беженцами. Мне запомнилось, тетка
 привела на площадь какого-то большого
 камного двора. Там было много народа, со-
 значков, как и нас. Вот эту историю по-
 дей с детьми и кое-какими подростка-
 ми поехали на маленькое уничтоже-
 ние. О пути от Лодово до по-
 следнего пункта в Березовке мне Бог
 помнит подробно рассказывал в другом
 месте, так как мой рассказ займет
 целую толстую тетрадь.

По дороге к нашей колонии происходила
 новая группа еврейских учеников и так до са-
 мой Одессы. Но из огромной массы людей
 к поезду шли только Березовке - привели
 человек 20 еврейских, бабка, как бы ко-
 рго у нас не могла поехать. Не могу из-
 стаить как мне, восточной девочке
 нравилось еще жить, я была и не
 была как бабка. В детском саду
 накурившая газом я могла бы шагать у лагеря.

Возможно, кто-то и подавал кусок хлеба, но сохоло маленько. (и)

Но впрочем, когда нас забрали из концлагеря в трудовые лагеря, наши славянские соседи, в том числе и евреи, считались единичкой. Среди таких был и наш старший братишка Лева. Ему было тогда мать и славянские соседи были — их уже давно не было в живых. Помню, где разбегались узники было без окон и дверей. В злых условиях все равно что на улице. К этому времени по существу уже и охранять нечего было. Куда могли убежать диссиденты?

В том же году, то же лето 1942, то же лето 1942, (мне помнится что в далекой славянской стране проживали родственники Кривошеина, в лагере жили все эти славянские соседи и говорили на русском, но в своей знали только украинский и польский так что не могли, о чем он говорил с этими славянами. Оказавшись он их просил, чтобы они с нами были с сестрой. Я и сейчас удивляюсь, как мог маленький мальчик думать не о своем счастье, а о счастье своих сеструшек.

Вера Федоровна Вассонок и Людмила Родриковна Радиско увели сначала мою сестру Ганну, которая тогда почти не двигала ногами, а через час два привели за собой. Только, как передо мной повзрослевшего маленького мальчика Картофельного короля и как я тогда себя. Никогда после не ела такого вкусного хлеба!

На сестрой они звали и вшей, которых можно было увидеть пригоревшими. Сестру Лиду они сразу привели вместе в Ганну. Меня дали, в своей семье звали Мика, а по документам, известными, Микола. Вера Федоровна стала называть меня Дуся в честь своей любимой старшей сестры Вераки.

Федоровны. Мама с сестрой разделились. (5)
Никому была Мария Федоровна, а меня -
Вера Федоровна. У мамы и другой были
свои дети. У Веры Федоровны двое детей
младшие сестры - Володя и Витя.
Мой брат Лева остался в лагере, и, по
словам наших спасителей, несколько
дней носили его и другие узниками
туда. Но в один из дней лагерь оказался
пустым. Но сейчас, все, кто еще дошла
в тот лагерь, было убито. Так из всей
массы людей в лагере остались мать -
Ке и моя сестра Анна. Она долго
была и наши спасители вели ее хоронить.
Но через 2-3 месяца стала поправляться
и вышла на ноги.

Поворачивая, что была спасена еще одна
девочка какой-то еврейкой, но она была
из другой группы белоглазых. Я с ней позна-
качилась в Бердкове несколько лет назад.
Зовут ее Гали и работала она тогда,
т.е. лет назад, воспитательницей в
Одессе работала как была спасена. Из
Одессы приехали новую группу евреев. Когда
Колосова двинулась по шоссе, мать девоч-
ки вошла туда ее в приют, между
стенами по дороге местных жителей
и кричала: "Спасите моего дочь!" Но
тут же была пролита авиационная
огонь. А как-то не все сестры най-
ти ребенка среди солдатов рядов тех
лет. Вот такую историю рассказала
мне Гали в своем спасении.

Через некоторое время кто-то из
соседей дома разместил оккупаци-
онными властями, что сестры Федоров-
ны ищут еврейских девочек. Полностью как
к нам пришли нагарами и один
из них на румынской языке стал
угрожать моей спасительнице: "Вера
требует ребенка, т.е. Веру надо рас-
стрелять. Зачем убивать девочек-нагара?"

Веру Федоровну, её сестру Лиду, а также ту певичницу, что была Тамю, ушли в эмиграцию. Я мало понимала происходящее. То всей вероятности окулацкое дело — эти были нарки на взятки. Каким-то образом мамин спаситель — мизан удачно откупился на определённых условиях. Хотел нас поведи к священнику домой. Он маме в миску воды, наброжал мамин голову, а мамин названный матерем вдале справки о крещении, разумеется за беззастенчивое подписанием.

Вера Федоровна рассказывала мне, когда я будучи уже взрослой, пришла к ней в гости, что русские вливали и священник каждой раз вымалашу чужу за маме ена себе.

По справке выданной поном я стала Високое вдовой Савельевой. Совершенно — то шут Веры Федоровны в последствии полюбившей на фронте) Женя — Трабменко Лима Фарфировна. Так мы родные сестры престали и сии были! Нам было приказано не разговаривать друг с другом на своей родной и румынской языке и не рассказывать никому, кто мы маме. Тасменено мы забави и родной и румынский язык. Справки выданной поном оказалась единственными документами, удостоверяющими мамин брак, когда через 4 года нас определили в детский дом.

Как маме помочь у своих спасителей? От голода не умирай, при том ишем, окупаем в детдоме были защищены! Ну а оставшее не имеет значения. Все охотно. Родными мы не стали. Но они рисковать своей жизнью, спаси нас от физического уничтожения. А это, пожалуй самое важное. Мы с сестрой в неопытном дому перед всеми большими семейством Желомыных, у которого были мамин спасительницы. В 1947. Вера Федоровна о семье

вышла в 7. Домик. Вскоре она меня определила в Марьяновский район Старобельского района, где я работала воеводой до 1950г. Когда встал вопрос об определении меня на самостоятельную работу, то оказалось, что кроме справки о крещении, удостоверяющую мою личность, других документов нет. Не знаю куда обратилась руководителем детского дома Вера Михайловна давала о моей рождении, рождении, месте рождения для оформления документов. Со мной можно не беседовал, В свидетельстве о рождении нет данных о том, что я дочь Веры Федоровны. В графе имя стоит имя Надежда не Вера. Все остальные данные там не подтверждаются рождением. Знают они сюда легко что я не была удостоена ею. У моей сестры Юныи такая же история с документами.

Отан, как складывалась моя жизнь после войны с нашими спасателями? Я всегда относилась с чувством благодарности к Вере Федоровне. Три месяца за тысячу километров, навещала её. Вместе со сватом, возможным привозила подарки. Но в основном она жила лучше своей.

После её смерти я редко бываю в Домике, сваясь её рождением, катаясь катаясь краем Обвалок Луной противонашей в Березовке - бывшей своей сестры и племянников покойной Веры Федоровны.

Однако меня всегда привлекало совсем. Дети меня не дадут, когда я последний раз была в Домике, куда ездила с целью восстановления своей личности, то застала сына Веры Федоровны Виктора в мажорном состоянии. Думая, что человек нуждается в опеке. Я не могла не сделать для него. Чувствую себе виноватой. Но в мой год не могла ему помочь, потому что мой друг Михаил Роман Лебодич в тяжелейших условиях

летал в Ресшумканской больнице, Бале 5 месяцев, но естествену я право-
дша и койки вильной целью дни,
укачивал за ним. Вот почему я
тогда не смогла оказать помощи
сестре своей спасительнице. Родствен-
ники её отвернулись от неё. Но
ведь и сами они ничем не помогли
ей! Кроме того материальное
нахождение моей сестры в связи с
„перестройкой“ всеобщеправом и
характером очень резко упало. Наши
детские мажорские ма сбермаже
превратились в прах. Последнее время
я пыталась добиться, что естало с Вик-
тором, но они хранят молчание. И
мне неизвестно, есть ли он ещё, ли
нет.

Что касается моей сестры Лины, то
она не поддерживала никаких связей с
Людией Федоровной. Во-первых, Лидия
Федоровна не интересовалась жизнью моей
сестры в детской доме, и приходит к
ней в гости, как я к Вере Федоровне
Лина не могла. Они были далеко
друг от друга, разделены тысячами
километров. Во-вторых, Лина всю
жизнь, будучи замужем, боялась открывать
Лиде её страшнейшей амплемент. Они обе
того плохо знают. И она не хочет, чтобы
он узнал, кто она на самом деле. Её
нахождение не из легких. Но совершенно
здоровая она пребывает в группе. Когда
я с ней беседовала насчет условий
своей жизни, она просила, чтобы
я её не продала. Поэтому Вам
могу сказать лишь о том, что она
живет в Мариуполе Донецкой обл.
Точного адреса пока не могу дать,
надо с ней лично поговорить. Знаю,
что Лидия Федоровна знает на мою
сестру. Но все очень сложно.

Когда я вышла из детского дома, то
 вспоминала о своей Родине, в надежде,
 что кто-то из родственников оста-
 ся в живых, может быть даже отец,
 которого мертвыми не видела, мамиса-
 ла в Горсовет Лово. Через некото-
 рое время получила письмо от
 мамы Таси - сестры моего отца.
 Она звала меня домой, и я тут
 же расчиталась с работой и уехала
 в г. Лово.

Из огульного рода моего отца Сруна
 Бараш остались в первое только
 мама Тася и дядя Янкий. Мама Тася
 с мужем и малолетней дочкой жила в Лово.
 Дядя Янкий - в городе Ловского района
 у него были две взрослые дочери -
 Фира и Райя - и сын Рема. (Все
 они давно выехали в Украину)

С родственниками у меня не сложились
 никаких отношений. Я уже собиралась вер-
 нуться назад в Домик, но вскоре позна-
 комилась со своим будущим мужем и
 переехала по месту жительства его в
 г. Жагу, где проживает вот уже 40 лет.

Из детского дома я вышла с образова-
 нием 7кл. За свою жизнь самостоятельно
 добилась скандала среднего образования,
 будучи уже замужем закончила педагоги-
 ческое училище, а затем Кимшневский
 госуниверситет. По специальности
 учитель истории. В данное время
 работаю на пенсии, не работаю.

А теперь мне хочется вот о чем с
 вами поделиться. Как я уже вы-
 же написала, из детского дома меня
 оправили с вышеуказанными докумен-
 тами. В паспорте в графе
 "национальность" значится
 "русская". По совету своего мужа
 я не стала восстанавливать свою

национальность. В стране царил страх
 ной антисемитизм. Но к 1940 г. эми-
 грация евреев, в связи с осуществлением поли-
 тической системы и опасности нового
 взрыва антисемитизма, стала массовой.
 Мы с мужем стали задумываться
 о возможной необходимости выезда в
 Израиль. И я решила, что пора заняться
 восстановлением своей истинной лично-
 сти. Вот почему я предприняла поездку
 в г. Терезовку, а затем и в Дакенку.
 В Дакенке мне без труда удалось взять
 справку о том, что я воспитывалась
 в Марьяновской детской общине. Это же
 касается Терезовки, но мои усилия по
 восстановлению факта о том, что я была
 узницей фашистского концентрацион-
 ного лагеря, мне так и не удалось это
 доказать. В какие инстанции я
 тогда не обращалась: в суд, горуди-
 ческую консульскую, прокуратуру,
 Райисполком, военкомат, нотариусу
 и т.д. Я надеялась на глупую ешну
 разрастания и бездумия.

В прокуратуре мне сказали, что если
 я была удостоверена, то не считается узницей,
 (хотя, как Вы знаете факта удостоверения
 не было). Кроме того, на евреев, нахо-
 дившихся в ГЕТО, якобы наложенные
 от немцев фашистских лагерей не рас-
 ходуют, что евреев под каменем и
 дулами авиамашин там не на-
 смерть, а в рай загоним? На
 этот вопрос помощник прокуро-
 ра только улыбался. Прокурор же
 посоветовал обратиться в Одесский
 архив, что я и сделала. Конечно, ни-
 каких сведений о моей личности, как
 и следовало ожидать, не было. В
 райисполком в кабинет замсекретаря
 председателя (председатель не пошел
 со мною встретиться) я привела
 не менее 15 человек свидетелей

удостоверяющих факт моего пребы-
 вания в концлагере и спасении меня
 Берейт предовойкой. Но зам.презвуда-
 тель откачался выдать справку по
 факту спасения, мотивируя тем, что
 якобы в Березовке еврейского концлагеря
 не было и евреев не рассматривали там.
 Тогда я обратилась к товарищу.
 Тот же привел свидетелей. Но он также
 отказался зафиксировать свидетельские
 показания, пропуская слова: «Таким
 образом Вам выдать не могу, Вам
 придется требовать для себя лично,
 а я буду нести ответственность».
 Мне лишь удалось завершить свидетель-
 ские показания секретарем Горюхиным,
 но мне сказали, что эта бумажка
 не является документом власти
 подтверждающей истину, что требует-
 ся подтверждение свидетелей, которое
 со мной находится в Березовском
 концлагере. Но где же взять их?
 В пещерах-то остались только мы
 с сестрой! Стрельбе и двор, где
 было убийство, позднее убийство, обреченных
 до сих пор сохранялось, а людей в пещерах
 нет. Дом восстановили. Там даже
 живут люди. Люди, которые не знают
 о моей трагедии. Стены же хранят
 молчаливо, они немые, а люди не
 верят тем свидетелем, которые хоро-
 шо знают в трагических страницах
 пребывания в этом лагере евреев.
 Так, лишь лишь назад, мне не удалось
 доказать, что я — это я. Но мне
 хотелось передать важности вопрос
 о судьбе левских евреев. В Кшишевце
 издается еврейская газета «Наш голос»
 которую мы регулярно выписывали. Первое
 особенно к трагическим датам, еврейская
 газета публикует души радиостанции ста-
 тьи о еврейской камишнице. Мне
 хотелось тоже поделиться тем, что

зафиксировала моя детская память.
 Мне пришлось рассказать о гибели моих
 земляков, родных и близких. Я пришла
 в редакцию газеты "Наш Голос"
 и обратилась к тогдашнему редак-
 тору Бамцану. Кажется это было
 летом 1930г. Но уважаемый редак-
 тор и еще один его сотрудник отве-
 тили, что это не по их линии, что
 мне следует обратиться в еврейский
 музей к т. Гилману. (Моя почти
 историческая, потому что хорошо его знаю)
 Но на дверях музея висел большой за-
 мок, а починки майши известного
 Гилмана не увенчались успехом. Через
 некоторое время мне стало известно
 что легендарный Гилман уже граб-
 била обителем на редакцию газетной
 "Наш Голос" Мне показалось, что ста-
 тья публиковалась в издаваемой ими га-
 зете, вовсе их не волнует. Ни по-
 думав редакция "Наш Голос" работ-
 боты они более серьезные люди. Но с
 хочется опять обратиться к ним мне не
 призываем не предавать забвению
 их страдания, мучения и смерть в
 рабшенинской неволе. И большое
 спасибо Вам. Жена Тугарова, а
 в лице Вас и всей организации
 Яд Вашин, за то, что не дайте забыть
 о камасирофе.

Заключившая меня хочу наградиться
 на Ваш ошвет, на то, что Вы попро-
 сите меня выслушать рассказ о страши-
 мом пути евреев от Лово до Одесского города
 Березовка.

И еще Третья женщина, бывшая еврейка
 узница, ныне лет назад жила в Березовке.
 Мне с ней познакомилась та самая
 Миша Овчарик

-14-

(13)

о которой я уже упоминала и которая
была мной поведена в те злополучные
дни, когда поднималась по вос-
становлению немцы. Я пришла
Там, чтобы она вместе со мной пошла
в Райсшток к зам. председателю. Но
она напрочь отказалась. Ответила, что
замисана украинкой и её дети могут
что она не хочет портить себе и им
жизнь ради немцев. Это меня удивило,
так как муж её тоже еврей и в Березовке
знают многие, кто она на самом
деле. Но что подумает, если муж был
критиком нем евреев в этом злополучном
обществе? Я тоже всю жизнь боюсь кто
я на самом деле. Однако, чтобы дока-
зать, что я пытаюсь восстановить
свое еврейское происхождение всевозможными
коими способами много бумаг.

1. Свидетельское показание о
Спасении.
  2. Справка исполкома марьяновского
Сельсовета
  3. Справка Одесского государственного
архива.
- С уважением Лидия Е. С.

2/хII-1994г.

Лидия

Верный председатель ОК Анастасия
Шандровская

Уважаемая Катя Тусарова!

Вы, наверное, уже получили мое письмо, в котором я подробно ответила на Ваши вопросы о моем статусе.

Пользуюсь случаем, что в нашем городе у моих знакомых военных их родственник гражданин Украины, и что он сам предпринимает мне отвезти в Яг Вильне мою корреспонденцию о французской службе, передаю Вам свой рассказ.

Все о чем здесь пишу, видела своими глазами, испытала сама. Пишу то, что запомнила моя ценная, детская память. Безусловно, будучи ребенком, я не все понимала. Но достоверности фактов можете не сомневаться.

Очень у Вас не вызовет удивления то, что я написала свой рассказ с более ранней довоенной лет. Это нужно, чтобы помнить события начала войны и ужаса французского коллабора.

Так, себя я стала осознавать и написать всю цепочку взаимоотношений с того момента, как наша семья снова возвратилась в г. Лово, откуда родом был мой отец, из Румынского Города Луи, который был родной моей матери - Штефан (Петер). Повидимому то было в 1938 или 1939 году и мне было тогда 11 месяцев. В Бессарабском г. Лово были многочисленные родственники моего отца Срула Баран. Одних родных братьев и сестер у него было не менее семи человек. И всех их можно назвать:

Цырк, Янкель, Цви, Моше, Рива и Тася
 Все они были прекрасные и замечательные, чисти-
 ми детьми. Самая большая семья была
 у дяди Цырка, кажется, девять душ.
 На втором месте по величине была
 мама самая - семь человек. Третьим
 своего родного дедушку по имени отца -
 о. Шайт и его братья, такого же старень-
 кого. А их считала, они очень были
 похожи друг на друга. А родная бабушка
 умерла еще до моего рождения. Дет был
 женат на другой женщине.

Соталено теперь, что в свое время, когда
 вернулась в Лово в 1952г. не расска-
 зывала более подробно о своей родословной.
 Теперь мне спросить не у кого. А я по-
 забывала имена своих многочисленных дво-
 родных братьев и сестер, кроме тех не-
 многих, кто остался жить. Знаю только
 имена семьи покойного дяди Янкель,
 который умер сравнительно недавно!
 Все они носили ту же фамилию, что
 и я т.е. Бараш. Вдова проводила
 весь род через смертоносное кино, оста-
 вив в живых единично Барашей и дру-
 гих родственников. Взрослые дети дяди
 Янкель - Фира Якововна, Рай Голден-
 штейн, Лена Бараш еще в первом эми-
 грацию, всехами в Израиль. С ними у
 меня нет связи.

Город Лово до войны был сплошь еврей-
 ским! Он насчитывал несколько тысяч
 человек, и наверное, каждой второй
 еврей. Среди еврейского люда были богатые
 семьи - Комерсанты, владельцы магази-
 нов, баров, квартир, домов. Но большая
 часть - беднота. Работу трудно было най-
 ти.

Родословную своей матери не знаю. Но
 как мне кажется, единственной род-
 ней была ее сестра, проживавшая
 с мужем и сыном в Румынской г. Хум.
 Незадолго до войны мать получила све-
 стие о смерти сестры. На похороны
 не смогла поехать - с приходом Красной
 и немецкими Рессарабик БССР граница
 была закрыта.

Когда мать выходила замуж за моего отца, она приехала издалека в вотчину. Но мой отец не сумел устроить дело и в дело и мать сама пошла работать в еврейские семьи. У нас отец трудился на хозяйстве с утра до ночи, однако заработанных денег едва хватало, чтобы хоть один раз в день покупать хлеб и молоко для детей. Он надеялся, что с помощью Бессарабии к СССР, наконец нашей семье удастся устроиться, но его надежды не оправдались. Правда, новые власти выделили бесприютному нам помещику в бывшей елисейской лесостепи, и теперь отцу не нужно было тратить деньги на жилье, но мы продолжали жить в нищете. А семья росла. Когда мы переехали в Лово, у наших родителей было уже трое детей: старший Лева, за ним Я-Илка (Исра) и младшая Мина. Перед войной нас уже было четверо: четвертым был трехлетний Мотя и совсем крошечная Рона-Ривка - пятый ребенок.

Отца мой от рождения был храбрым - была дисциплинирована служба, как и служба правды. Из-за этого он очень уставал на работе, где целый день приходилось стоять на ногах.

Когда началась война, наша семья, как и многие другие еврейские семьи, перебралась в с. Барагань. Город Лово стоял на р. Трун. Враг внезапно угрожал городу. Все надеялись, что советские войска удержат рубежи на Трун и отступят врага от границы, что позволит скоро вернуться к своим очагам. Но вот пришла весна. Из Лово прорвался враг и стремительно по разбивает насущенные. Еврейские семьи стали эвакуироваться из Барагана в глубь СССР вместе с отходящими силами Красной Армии. Конечно, как сокращались наши родители, тем у которых были малые дети и не было никакого транспорта. Женщины и дети шли как-то-нибудь по воде были бездумными.

И только к ночи они окончили свое ре-
 шение двинуться пешком. Несколько мно-
 зодетских семей объединились в одну группу,
 в том числе мама с семьей и семьей дво-
 уродного брата дяди Митки. Запом-
 нилась мне эта шумная толпа на
 всю жизнь своей странностью. Она
 была последней, когда мы все еще были
 вместе - семьей и родными. Остаток на
 плечах трехлетнего Митки и еще како-
 то маленького ребенка. Мать несла на
 руках грудную девочку Каву, а за руку
 шла пятилетнего Митки. Над е-
 драмой левой дали несли какую-то кар-
 дину, казавшуюся мне невероятной тя-
 желой. Я всю дорогу молчал из-за этого,
 и еще помню, что мне очень хотелось
 спать. До Бюкса не доходило то предва-
 рительное уведомление, которое Вадим Вдовичем
 Вдовичем хорошо были индентифицированы, это
 такое ощущение, как будто вы несли что-
 то для еврейской национальной комиссии. За всю
 ночь раза два два раза привалил, как только
 мы касались земли - спали, сразу
 крепко засыпали и взрослые с трудом дра-
 вались поднять нас, чтобы двинуться
 дальше.

Наряду с нами были в какое-то се-
 ло. Нигде ни огонька. Оно казалось
 вымершим. Даже собаки не лаяли.
 Только один мажорантин повелел нас
 на пути. Наши родители стали рас-
 спрашивать дорогу, по которой нам следо-
 вало идти. Не зная, то ли преднамеренно,
 то ли в самый день дорога наша шла
 именно туда куда он указал, но случилось
 так с женой Битки, мы вдруг оказались
 в расположении окон вала. Как мо-
 леньгальное окружение и залтаи в какой-
 то домик. Стали разбираться со взрос-
 лыми, а мы, дети, и тогда мы на пол и
 тут же уснули. Через некоторое вре-
 мя нас разбудили. Первое, что мне
 услышали, это рев наших матерей.
 Ощущение уже не было и взрослых со мной
 больше. Как мне помнится, всего
 17 человек. Среди них мой отец, дядя

178

Цырк и его 17-летний сын. С тех пор никто уже их не видел в пещерах. Я предполагала, что они сразу были уничтожены.

Все женщины и дети под командой были отправлены в Лово. Нам разрешили поселиться у себя дома. Но в нашей домике все было разграблено, и мама и ее знакомая решили поселиться в просторном доме родственников. Надеялись, что там что-то еще сохранилось. Но и этот дом оказался пустым. Ни укрытия, ни пощипывания, ни еды ничего не было. Мы были голодны. Мамин обмысли все уюта, чтобы найти что-нибудь из продуктов. Нашли несколько горстей прогорклой кукурузной муки и сварили жидкую кашу. Она была очень невкусной, но мы ели потому что хотелось есть. Наши мамы попытались обратиться к знакомым поддочкам, с которыми до войны были в хороших отношениях, но те шарахались от нас, как от прокаженных, запирались на замок. В течение нескольких дней, проведенных в Лово я не видела ни одного человека, ни одного поддакового ребенка, с которыми мы до войны играли вместе. Горюшек было много. Нам нужна еда, а еды не было.

Средь нескольких дней, среди ночи, мы были разбужены сильным стуком в двери и криками жандармов. Нам велели быстро собираться и следовать за ними. Не разрешили ничего брать с собой даже из тех скудных вещей, которые у нас были. Сказали, что на месте все вам, мы, дадим.

Нам привели в какой-то большой двор. Он уже был забит людьми. Мы увидели там много знакомых евреев. Повзвонив они могли, как и мы, не успели далеко уйти и были схвачены и возвращены в Лово.

Здесь были и те, что выехали с нами в ту злополучную ночь, приехали на вранесские позиции. Но были ^и некая комылица, которых я в Лово некогда не встречала. Как мне теперь представляется, это были евреи из-за Трима, т.е. из Русского.

С рассветом началось наше туркестанское путешествие. Русские франшисты в своем большинстве перед массой еврейского люда с речью о том, чтобы не волноваться, что мы будем отправлены в Россию, где много хлеба и поселены там, так как в Русском и своим не хватало хлеба. Все было предупреждено о том, чтобы не пытались убежать, ибо виновные будут расстреляны. Убежать некуда, все равно погибаете.

Теперь для ясности мне хочется заранее отметить некоторые нюансы нашего "путешествия". Как мне известно, в Молдавии и в других местах ессы создавались особые еврейские концентрационные лагеря - ГЕТО. В нашем случае постановки ГЕТО не было. Но всей вероятности ч. франшистских властей стояла задача центровать евреев путем высылки в переломы и галоды, а также скрытых расстрелов. Эту мысль могу подтвердить тем, что там, что мое, в частности я, моя сестра и брат, оказались за некая сомнен километром от города Лово, т.е. в Березовке, Одесской области. Иногда нас подводили на подводах мобилизованных и местных жителей, но чаще на телегах немцев. Если приехали в большой массовый пункт, то там нас держали более длительное время, видели

две, может быть и больше. Обычно же сирота стремилась прижаться к ночи в какое-нибудь село. И тогда нас разводили по домам крестьяне, по-видимому наказывая им следовать за нами, чтобы не убежали. Но может все-таки нам и у всей массы узников смышляки, кто-то мог и убежать. Как было бы хорошо, если бы вдруг, оказавшись мои предположения и обнаружилось так же. Они бы подтвердили то, о чем здесь пишу.

Убеждение в том, что нас поймают в России, в алтайские леса, было столь велико, что я слышала такие речи даже от крестьян, где мы ночевали и от возниц, перевозивших нас на своих подводах. Говорили так, слышала я Гуденюка, погонявшего лошадей Чуб-Камбала: "И мы скоро приедем в Россию, там доведем как следует. И мы вернем."

Не помню как нас отравили из Лово, немкам, или на повозках. Но кажется все-таки немкам. Кажется, мы шли и шли без конца.

Было жарко, конелось семь и шесть. Мама несла на руках грудного ребенка. В груди молока давно не было. У девочки был жар, грем, укусов комаров и мух. Мимо превратилось в сплошную черную кору. Кожка моя лас из-под нее сочилась гной. От лица девочки шел неприятный запах.

Согласно, что была мала и не знаю насильственных туркотов, через которые проходила наша процессия. Не могу назвать путь "продвинутой" нами. Однако можно сказать, что были в Тирасполе и Одессе. Именно в Тирасполе была первая большая переездка. Нам заглох в больном мой двор, как в думают, там был

Коровник или коконошная. На земле
 в дельтовых помещениях для пчелот-
 кных было много снетковидной соеи,
 видимо подешивка для екома. На
 ней мы едим. Здесь мы пробовали дове-
 льно даго. Среди узников все чаще
 стали появляться мертвые. Вскоре
 и у нас появились мертвые. Однажды
 я проснулась от того, что мать горю
 прижимала к себе холодными телами. Тоже
 утром тело ребенка внесли на общую
 кухню мертвым. Через некоторое время
 во двор заехала каруца, забрала мру-
 чиху и увезла. Почти каждый день вы-
 возили с территории лагеря мертве-
 чов. Особенно много их было после
 того, как французы заверили нас
 мертворожденного лагеря. Солдатско-камыку
 Ташна Хамура к бочкам и несколько
 бочек были вывезены. У тогда
 казалось самое страшное. Мертвые
 хомысье были. На территории ла-
 герьа водоемов не было, а за его пре-
 дельми никого не выискали. Наказав
 поваленный мор. Вскоре умер каму-
 дунка Шайя. Почти, как все воюга
 ночью он подошел к нам и едил на-
 лобом, камушей маме, что его по-
 куда-то едил. По своей природе дедушка
 был мощной светлой человек. По-
 чер он волеяди мощи, цимондежики
 существом. Тогда Тираснае я уже был.
 Мы не видели дедушки, ни его тени,
 ни его брента. Главни' реди цуредоб по-
 реди. Но вскоре образовалась снова
 большая масса, откуда-то к нам
 приехали новых узников. Из Тирас-
 нае нас ввозили на подводах, и
 сколько можно было видеть из одного
 конца в другой, двелалась вереница
 подвод, все в неизвестности обретен-
 ных.

Повидимому уже максимумом семьи
 мне с каждым днем становилось,
 холодно. Тоненькое платьице, на
 хитрое на голое тело не могло
 согреть. Ни чулок, ни какой-либо обуви

- 9 -

(22)

У меня не было. Я старалась есть
где-нибудь на солонке, чтобы согреться.
Но этот грех все меньше и меньше.
В один из таких холодных осенних
дней у нас появились еще один пожит-
чик. В очередной раз нас размести-
ли в какой-то большой помеще-
нии. Наверное, это был спортивный
зал. Здесь умирал на руках у мамы
мой братик любимец Момя. Он был
веселый и забавный мальчик. А перед
смертью едалась камричьески, кем-
кого к себе не подпускала, кроме мамы.
Меня эта смерть особенно потрясла,
потому что мальчик его и очень
любил.

Впрочем к смерти мы стали
привыкать, как к обычному явле-
нию. Мертвых видели ежедневно,
видели, как умирали люди. Труднее
было превратить к восприятию,
которое все чаще стали разга-
дывать в конце колонны. Когда
шли пешком, то мы все время слы-
шали как врозьне подгоняли
друг друга и детей и шептались
о том, что где там, кто выстал
и идти не можем рассуживают.
То же самое происходило, если где-
то всех узников не хватало места в
поезде. Кто не смог сесть в позо-
ду. Тогда рассуживали. Все реже
стали показывать знакомые лица
с которыми маршили чуть и Мово.
Две мамы слыли братьев Барам
пока еще держались вместе. Но
семья дяди Мика тоже поредела.
Только, как мне было знакомо свой
авторский сестра Роза, своей сверст-
ной. Из их семьи забилишка только
ее мать.
Когда нас в очередной раз разместили
в какой-то небольшой помещении,

к маме приехала знакомая лев-
ская девушка, несущественно откуда выез-
шавшая. Некая поглядывая на маме
она стала рассказывать своей маме
и тете Сине о том, как в соседней
это откуда она пришла, румын-
ские солдаты нацистом, а затем
убивают еврейских девушек. Теме
взрослые и старались говорить так
чтобы я не поняла, все же мне
все было понятно. Тут же своим
мамам видела это. Я была внака-
миленькая камура. Мне было страш-
но.

В один из дней с нашей матерью
случилась примарок. Она забвела
что не можем больше жить и ско-
ро умрем. Мы дети вокруг нее по-
рядом спрашивали вой. И тогда не-
ма дяди Шука, теть Сине, ста-
ла стыдится маму маму, как она
может так думать? Что будет
добыть о детях? Маме неко-
ло успокоилась. Но Сине и ее по-
степенно стали покидали. Уже
многой осенью в какой-то огра-
ном наумеленной агаре наша мать
умирает. Мы, трое оставшихся
еще в живых дети, сидим вокруг
нее и плакали. У мамы глаза
были закрытые, только рот по-
открывался то закрывался, будто
что-то хотела сказать, но не
могла. Она уже умерла, ей было
осенью, а мы все были и были
Вангар вошли какие-то сумасшед-
шые в штатское, узлами припи-
ли нашего забывавши, дали нам
по куску хлеба и обещали похоро-
нить маму маму. Тело ее положи-
ли на подводу и увезли. Но я
не знала, в каком городе это было и
как была похоронена наша маме.
Об этом можно только догадываться.

Неизвестно куда поехала мать и семья со своей семьей. Уменьшить нас некому было. Мы остались совершенно одни - просто среди так называемых несчастных. А семья дяди Мика исчезла навсегда, в своих их больше никто никогда не видел. Я и до сих пор не могу себе представить сколько, действительно много семьи погибает. И не могу вспомнить в какой момент из моего поля зрения исчезла наша большая семья.

После смерти матери, наше путешествие по лагерям сделалось еще более мучительным. Мы с ней теперь должны были бороться за выживание как-то в одну-единственную ночь, когда нас погрузили в транспортный вагон вместе с матерью, чтобы казнить лошадей, возле каменной повозки оставилась группа и я увидела на ней мать Риву, сестру моего отца. Среди нашей партии узников я увидела её в первой и последней раз. Наверное она тоже не успела далеко эвакуироваться и была захвачена ракетами, как тысячи евреев. Мать была одна, без детей. Она как будто смотрела на нас, но на самом деле нас не видела, была затянута собственными горем. Так и рассталась не сказав друг другу ни слова. От неё так же не осталось ни каких следов.

В очередной раз, опустив по домам возничих, с повозками спрятав разместив нас в большой, но всё же видневшийся, школьном дворе, поэтому что на высоком фундаменте стояло большое

здании с огражденными окнами. Но в здании нас не заводили, а оста-
лись под открытым небом. Стоя-
ла довольно-таки теплая погода.

Вскоре в расположении лагеря появи-
лись какие-то важные лица, одне-
тые в штатские одежды и на румын-
ском языке объявили, чтобы все, кто
имеет золотые и серебряные драгоцен-
ные вещи, внесли их в указанное
место в течение указанного срока и
сдали все до последней динь Великой
Румынии. В случае сокрытия драго-
ценностей виновные будут расстре-
ляны. Ну естественно указанного вре-
мени в лагере начался поспешный
объезд.

Повидимому через нашу партию
ушликов раньше сюда заведут новых
людей, может быть из Северных рай-
онов Молдавии, потому что мы за-
стали огромную территорию двора
уже заново заново немонахоним ми-
рами. Кажется эти люди собрались не
на смерть, а на великое переселение.
Они выманили богачами перед нашей
галубьбой. У многих были различные
вещи, даже теплые одеяла и подуш-
ки, варенье, сливочное масло и
хлеб. И, наверное, драгоценности
были у всех. Поэтому, что и эти
были обмануты, обещали поселить
в хлебные места России. То все
вероятности, расшестеке в нас
разрешили, обреченным людям выдать
с собой все, что можно увезти на
повозках, которое им подали, чтобы
снять с нас именных вещей.

И вот, когда прошли последние
наше сдачи драгоценностей динь
Великой Румынии начался по-
спешный объезд. Я была шестнадцатой

девочка. С любопытством бегала по территории лагеря и смотрела как псагдармы роются в вещах, в продуктах, вскапывают подушки, от которых пух разлетался во все стороны, звенело разбитое стекло от банок с вареньем или маслом. Далеко хлеб разламывали на кусочки, чтобы найти спрятанные драгоценности. И, конечно, у многих находились тут же уздочки, а через несколько минут слышны были неслышимые вскрики. Мила в этот-то момент изобразила говорение: "Слышите! Это распространяют" тех, кто спрятал и не сдал золото для Великой России". На меня удивительное и целенаправленное производилось впечатление. И до сих пор картины обсека, звуки искажений драгоценностей звенят в ушах, слышны перед глазами. Это запомнилось и другие моменты.

Французские лагеря превращали людей в животных. Холод и голод грубое обращение дико и жесток и людей взрослых какой-то безразличной безымянной массой. Мгновенно теряли чувство сопереживания друг к другу, безразлично относились к умирающим не реагировали на призывы желающих тут же, под ногами. Но боли и нежность чувств. Мне запомнилось такой эпизод. Семья, у которых не было уже матери, но был отец и несколько детей. Ему удалось обменять какое-то вещи на варенье курицы. Так случалось нередко. В лагерь приходили месячные женщины и предлагали обменять продукты на хорошие вещи. Так вот. Отец

тех детей, отбавив шерсть ку-
 рену, стал жадно рвать её зубами.
 Дети стояли возле него отсюда,
 что отец даст им более по кусочку.
 Но он стал отбрасывать их пинка-
 ми, дико сверкая глазами и рога,
 как зверь. Так продолжалось до тех
 пор, пока от курицы не осталось и
 следа. А через некоторое время я
 увидела картину другого характера.
 Оной мамаше, у которой было шестеро
 детей, касой - то садам из охраны дал
 постарелки суна. Дети окружили
 свою мать, а она по очереди вливала
 каждому по ложке пиджоски, сама
 при том даже не попробовала. Зна-
 чим, что-то человеческое еще сохрани-
 лось!

Мне помнится, что именно в то же
 лагере к нам подошли люди с те-
 мей и стали млевать и брашна упра-
 влять, чтобы мы разрешили взять
 себе в дожки Мину, потому что
 она была очень похожа на их
 черную дочь. Они обещали одеть
 маму сестру в хорошие одежды,
 основываясь на их ребенка. А мы
 с братом были рады снять с себя за-
 боту о весьма выжидательной младшей
 сестре. Она все время просила есть,
 а мы сами были голодные. Они,
 люди увели Мину с собой в другой
 котей, огромной территории лагере.
 А через некоторое время уже в другой
 месте кто-то привел обратно
 маму сестру, сказав, что её учи-
 тельские родители уже мертвы.
 Мина была красиво и тепло
 одета, так что я даже ей поа-
 вивала: на мне ведь было рваное,
 едва прикрывающее наготу.

С нулевой температурой приближались к холоду. Все чаще шли снежные дожди, но меховая и стотканная обувь на босу ногу не согревала. Зерехо бывало так, что после дневного перехода нас размещали на ночлег в небольшом помещении. Усталые ноги после дневной ходьбы валились на голую землю и тут же засыпали шершавыми ежиками. Иногда тела были так тесно прижаты друг к другу, что между собой прощупывали кожу. Многие нехотая места чтобы утешиться, и приходилось проводить минутами своего тела на ногах без сна. Мне тоже не раз приходилось испытывать это. Только, как однажды мне тоже не хватило места чтобы утешиться между ежиками. Разлепился, слезались глаза, но негде было даже прислониться. Я ввалилась на землю, там стала думать скамейка. На ней сидела часовня из охры и там, кому тоже не хватило места. Я тоже садилась на краешек скамейки и пыталась уснуть. Но холод и сырость пробиралась до костей и не давала уснуть глаз. Так и пролежала всю ночь, но забрав в помещение, чтобы чуть-чуть согреться, то выбежала на землю, чтобы присесть, ибо невозможно больше лежать. Тут и не знаю, как пришла на следующий день без сна.

Как-то случилось так, что мы с сестрой вместе с отцом своего брата. Он сел на дружно повозку и уехал вперед. Мы долго его не видели. Так часто бывало, если были нас на повозках. Одна часть упряжки уехавших вперед поехала в одном направлении, а другая часть - в другом селе.

Когда нас пригнали в Озери, Левые среди упряжки тоже не хватало. Там нас продержали несколько дней в каком-то овражном помещении по дороге на ремонтную мастерскую.

Мне было очень холодно. Около меня
умерла какая-то старая женщина.
Кто-то из взрослых сел с ней до-
шмизонное пальто и бросил
его мне. Это пальто надоело
стало единственной вещью, кото-
рая кое-как прикрывало мое по-
праное тело. Оно было длинным
и широким, так что мож-
но было в нем закутаться.

Об одной важной обязанности
все забываю сказать: нас зажда-
лось огромное количество вещей. Их
было так много, что можно было
сказать гореть им. Да чего там
трепа там? Вещи крали нас, а
мы их похищали - голодные ведь!
Меня тошнит, когда вспоминаю,
как под зубами ломались эти на-
секающие.

Проходило время. Все ретя и ре-
тсе к нам присоединяли новых уз-
ников. С каждым прибавал наши
ряды ретди. Много трупов остава-
лось лежать, когда нас поднимали
для дальнейшего путешествия. Мне
еще живее не могли подниматься,
чтобы двинуться дальше. Это не
такими глазами известно. Стран-
ная масса людей растворялась
в объёмных смерти. С наступлением
холодов все больше. Когда мы при-
были в последний пункт - Трезево-
ку, нас оставалось совсем мало.
Я уже об этом писал в предде-
дущем письме. В Трезевоке мы
застали своего браташку Леву,
который лежал на куче пухляк
и не мог уже подняться на ноги.
Он нам сказал, что уже несколько
дней лежал и не может больше
двигаться. Мы с сестрой ухажива-
ли за ним, все доставали кусок хлеба,
то даше, давали и ему кусочек.

Размещены были мы в доме с разбитыми окнами, без дверей. Во дворе был целый дом, где размещался караул. Там, наверно, было тепло. Но караул уже не очень нас охранял. Куда могли убежать диспрогнаны. Местные жители приходили в лагерь, чтобы выменять хорошие вещи на продукты. Но у вещей-то мы каких не было. Человек 15-20 диспрогнанных дни. Однажды в лагерь пришли два немецкие и увели меня и сестру с собой. Дали поехать, разговаривали нас, о чем-то беседа между собой. Хозяйка дала сидла с милой мамку и показала подруке как в нем пеням вми. Потом они сидли с милой хорошие вещи и одели девочку в тряпки. Затем отвели нас сюда в концлагерь. Спустилось время, когда нас уже снами Высоковская Вера Федоровна и Табилько Людмила. Я узнала, что эти пеня - немцы - маленькие прощипутки. Одна из них, Маринка, перед приходом Советской Армии покончила самоубийством. Она соседкам малышке Карасовых и с сестрой увидели её вещи. Мы продали их Маринка.

Таких, как я, еще ходячих, с котлами, как нас увели наши снами. Перед нами не более пяти человек еще сидли. Стали на ночь. Я не редко задаю себе вопрос: как могла выжить, не свалиться и погибнуть, как сотни других. Из далекого, Бессарабского города Яново пришли сотни киевлянок до последнего своего пункта пребывания - Березовки. Из сотни людей наравших свой путь в Яново в Березовку пришло всего несколько

человек. Из них только я и моя сестра держались на ногах. Какой ангел — охранитель поддерживал нас? А может, доброе подейственное существование нас закалало и организу при- влек к голоду? Кто его закает? Было холодно, морозно, а я выходила на улицу, быть можем воярами- вала у протомских хлеба. Во дворе лагеря для охраня была солдатская кухня. Мы, узники подбегали к двести кухни в надежде выпросить что-нибудь поесть. Иногда мной ружьен- ский солдат и подает что-то sweet- ного, другой бросит, как собакам кости. Но бывало и так, что с порога с грабками хохотом плеснет в нас комьями. Ему забава, а нам еда. Уже могу сказать скалко времени мы пробывали в Березовском лагере до нашего спасения, но зима была уже в разгаре. Об этом периоде и о своих спасительных я еще вам писала, повторяться не буду. Теперь мне хочется написать еще об одном факте. Русский язык я стала понимать еще до войны. Возле нас располагалась воинская часть и мы, дети у советских солдат учились говорить по-русски. Нева очень быстро усвоил русский язык. Я быстро усвоила его после своего спасения. Пишу об этом факте вот почему. Зимой 1942г. месячные мемуары Березовки — лучшие ста- ли гонимы на какие-то обществен- ные работы. Рождественски наши спасительницы тоже были мобилизо- ваны репрессивными властями. Они, т.е. лучшие возвращались поздно вечером в буквальный смысле слова подавленными. И я слышала, как они рассказывали своим близким

что их похитило, что унесало. На
железную дорогу, то ли на станцию
Терезовка, то ли на переезд, точно не
помню, прибывали гитлеровцы с вре-
ями. Их выводили из вагонов, сиро-
ши в шеренгу и сиротами шавно-
матов. А местным мужикам при-
казывали выкапывать в снегу ямы
и зарывать трупы. Конечно ямы в
зимне невозможны были из-за силь-
ных снегопадов и морозов, крепко сква-
шивших землю. Суровы были все же кром-
лядней те тамары брали за ночь
и размокнув головы ударали о вагоны,
и тогда бросали в снеговое ямы. Эти
камы думались несколько дней. Засы-
панное снегом тила еще долго ш-
велись под снежной покровом.
Сам не Бабий Яр? Когда я послед-
ний раз была в Терезовке несколько
лет назад, то узнала, что больше
всего евреев было убито в селе
Викторовка, недалеко от Терезовки.
Возможно, что описанные мною
факты и происшедшие в этом селе.

Уважаемая Катя Тусарова!

В свое время мне пришлось по-
трагично немало усилий, чтобы
установить правду о маме и сна-
сенки - меня и ее сестры. Но мне
так и не удалось это доказать.

Может быть и у Ад. Вайсман, Тра-
вельников Мира появились сомнения
о правдивости моего утверждения.

В таком случае можно согласи-
ваться два ряда свидетельств:

С одной стороны свидетельств, знаю-
щих кто, где и как меня спасли;
с другой стороны свидетельств - евреев,
живших хорошо моих родителей и

20
 меня до войны и когда я вернулась в
 Киев в 1952г и семья у своей тещи Ва-
 си, а затем вышла замуж. В Израиле
 известны братья мои родственники, ко-
 торые выехали туда уже давно по фами-
 лиям Баран, Яковович, Гольденштейн,
 Левинзон. Уже несколько лет жи-
 вут в Израиле соседи наших родителей
 по фамилии Бендерские, Цацкин, Трактю-
 и др. Вам потребуется, по моему пред-
 ставить адреса свидетелей. Они
 могут знать кто я и откуда.

С уважением Лимович Вадим Саври-
 ена.

23/хт 1994г.

Лид

Верно: председатель ОК
 г. Кахула Ашаф (Мануров-
 ска)